

Всеволод Иванов

**Сокровища Александра
Македонского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В84

Всеволод Иванов
В84 Сокровища Александра Македонского / Всеволод Иванов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 60 с.

ISBN 978-5-458-04392-2

Герои романа «Сокровища Александра Македонского» ищут накопленные спрятанные прославленным полководцем сокровища по следам сопутствующих этим сокровищам легенд и народных сказок.

ISBN 978-5-458-04392-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Из неоконченного романа

в четырёх книгах

В архиве писателя Всеволода Иванова (1895–1963 гг.) большое количество ненапечатанных при его жизни произведений, которые теперь подготавливаются к изданию.

Среди них шесть законченных романов. Вышли в свет пока только два: «Эдесская святыня» и «Вулкан».

Цикл «фантастических», или, как Всеволод Иванов иногда называл их, «таинственных» рассказов почти целиком опубликован посмертно: рассказы «Сизиф», «Опаловая лента», «Пасмурный лист», «Чудесное происшествие в Тёплом переулке» и «Агасфер».

Имеется несколько непохожих один на другой вариантов незавершенного фантастического романа «Сокровища Александра Македонского».

Над этим романом Всеволод Иванов начал размышлять в военные годы. Место действия первого варианта — Ташкент, где Всеволод Вячеславович провёл около года (с декабря 1941 года по октябрь 1942 г.), работая на Ташкентской киностудии с режиссером Л. Луковым над завершением фильма «Пархоменко». В Ташкенте же Всеволод Иванов закончил до сих пор не опубликованный военный роман «Проспект Ильича».

В основу романа «Сокровища Александра Македонского» положена мысль, что ничто в мире не умирает, что всё беспрестанно возрождается в чём-то другом.

Так, легенды и предания никогда не возникают на пустом месте, а непременно являются следствием каких-то реально происходивших событий, действий реально существовавших людей, их поступков и созданных ими произведений искусства и литературы.

Герои романа «Сокровища Александра Македонского» ищут накопленные спрятанные прославленным полководцем сокровища по следам сопутствующих этим сокровищам легенд и народных сказок.

Форма, выбранная писателем в варианте романа, предлагаемом вниманию читателей «Звезды Востока», романтически-сатирическая. Это обусловлено самим замыслом, объединяющим события, происходившие много веков назад, когда сокровища были завоеваны и спрятаны, — с реальными событиями, происходящими в наши дни, когда сокровища эти отыскиваются.

Финал, развязка романа — намечались писателем по-разному.

Трудно на основании имеющихся набросков определить, какой

конец был бы — в результате всех его творческих поисков — избран автором.

По одним наброскам сокровища давно похищены, хотя тайник, где они были спрятаны, и обнаружен ценой невероятных усилий.

По другим — подлинные сокровища исчезли, но заменены фальсифицированными, и предстоит распутать еще один сложный сюжетный узел, кто фальсифицировал? Когда? Зачем?

Намечался и счастливый конец: сокровища найдены и среди них — предметы, считавшиеся во времена Александра Македонского чудодейственными, обладавшие колдовской силой; современные ученые, исследуя «сокровища», находят научную разгадку «чудесам» и обращают их на благо человечеству.

Работая над каким-либо из своих произведений, Всеволод Вячеславович имел обыкновение делать записи, касающиеся не только данного произведения, но и теории литературы в целом.

Некоторые его записи, как группирующиеся вокруг тех или иных его собственных романов, рассказов, пьес, так и чисто теоретические, объединены в книгу «Из дневников и записных книжек», которая должна выйти в нынешнем году в издательстве «Советский писатель».

Роману «Сокровища Александра Македонского» посвящены многие теоретические записи, часть которых приводим ниже.

«Всякое художественное произведение начинается с тайны, то есть с событий, которые уже совершились до поднятия занавеса, до начала романа или, рассказа. Уголовная тайна или тайна романа приключений — это тайна, которой в сущности окончен уже роман, нам неизвестный. Уголовный или приключенческий фантастический роман — это раскрытие причин и следствий неизвестного нам события.

Сначала описывается преступление, большая ошибка, бедствие, таинственные события вокруг каких-то предметов. Как? Кто? Где? Второе обычно опускается. Причин происшествия несколько, и все они сомнительны. Попытки скрыть эти причины. Две-три или больше версий причин свершенных поступков. Вначале появляются намеки на вскрытие причин этих поступков, которые помогут позже распутать всю картину.

Такова несложная схема того рассказа-романа, который так трудно осуществить.

Раньше это называлось рок. Роковое или, если хотите, божеское, ведущее к гибели, неотвратимому заблуждению, ко всему тому, что носит теперь название бессознательного, неясного мотива,

что влечет за собой, изменяет нормальный строй жизни.

Поиски — вот основная нить в приключенческом или детективном романах, будь то поиски сокровищ или поиски убийцы. Разумеется, эти линии поисков могут быть объединены: замечательно у Стивенсона („Тайна корабля“) — искали сокровища, а нашли убийцу.

В начале поисков дается намёк на возможность похищения сокровищ или убийцы, что обычно делается появлением убитого.

Вначале мы видим только следствия неизвестного нам романа, не зная причин. Открытие причин — может дать столь же опасные следствия, как и в таком же романе-событии. Ход раскрытия причин по частям может вызывать и соответствующие следствия, тоже по частям, восстанавливая картину неизвестного романа-события, — но может и не вызывать.

Мне кажется, тайна в романе создается просто. Вы уводите читателя в сторону, предлагая ему лживые объяснения происшедшего случая. Чем объяснения эти правдоподобнее, тем больше у вас шансов, что конец будет убедительным. Даже самый нелепый. Можно, конечно, лицу, открывающему тайну, свершить открытие этой тайны, не давая объяснений, а приберегая их к концу. Но это годится для рассказа, а не для романа.

Волишебника заменил учёный или „миллионер“.

Иванушка-дурак, добродушный и неприхотливый, по-прежнему женится на Василисе Прекрасной, а его злые братья остаются в дураках.

По-прежнему есть клады.

По-прежнему человек рвется к счастью и получает его в сказке — полностью.

По-прежнему вознаграждается добро и карается зло. Редко, но зато до конца! Преодолев уйму препятствий, герой, сохранив здоровье и прямую спину, наслаждается жизнью и довольством.

Если думать, что сейчас все счастливы, то это ложь. Но несомненно, что каждому хоть раз выпадает счастье. Умирать редко кому приятно. Но мы думаем, „не мне, а тебе!“ — мысль эгоиста. Умереть за родину и её идеалы приятно. А так как войны, — при крупных идеалах, — неизбежны, то это счастье доступно многим. Я не говорю буквально о смерти, а о страданиях, которые, пожалуй, будут тяжелее смерти. Но эти страдания, — после того, как они кончились, — кажутся человеку счастьем.

Фантастический роман привлекателен тем, что он даёт возможность оптимистического показа правды жизни.

Для беллетриста тайны — клад! Но я хочу истины, а не тайны. Я хочу показать психологическое состояние своих героев...

Я предупреждаю читателя, что сюжет моего романа вымышленный. Нынешний читатель часто и к сказке предъявляет требования, чтобы она была „на самом деле“. Он согласен верить сказке, т. е. вымыслу, в том только случае, если вымысел существовал, то есть он поверит в несуществующее, если сказать, что оно существовало.

Зачем стыдиться вымысла? Вымысел ради доброй цели не может не нести людям добра».

Среди многих набросков предисловий Всеволода Иванова к «фантастике» есть и такое.

Книга первая:

Коконы, сладости, сказки

и

Андрей Вавилыч Чашин

1

Сегодня по талону «жиры» выдавали голову копчёного сига, завертывая её в обрывки какой-то Утопии.

Андрей Вавилыч заметил:

— Все Утопии кажутся мне малосодержательными. Никогда не найдёшь пункта, с которого начинается реальное осуществление указаний по созданию Утопии.

Великая мысль!

Ибо я убеждён, что будь у Андрея Вавилыча точные указания свыше, он даже жизнь своей семьи устроил бы по образцу перво-сортной Утопии, несмотря на то, что в числе членов его семьи, кроме постоянно ревущих детей семи, девяти и одиннадцатилетнего возраста, имеется бабка, дающая унижительные советы, дядя-инвалид, точащий портсигары из берёзового наплыва, и белёсая тетка, приспособленная к шитью исподнего.

Покажется странным, что я сожалею о запутанной семейной обстановке Андрея Вавилыча. А как не пожалеть? Умным людям всегда желаешь равнобокого счастья. Ведь Андрей Вавилыч так счастлив в общественно-служебной обстановке!

Что такое счастье служебно-общественной обстановки?

Постараюсь дать исчерпывающие объяснения.

Всему миру известно, что мы строим новое общество. И всему миру также известно, что, когда рубят избу, не каждое бревно ложится в паз. Брёвна приходится подтёсывать. Тем более понятно, что человек не бревно, и нужно величайшее искусство, чтобы выложить хорошее здание нового общества, соединив людей воедино. Поэтому-то, для наиболее удачного соединения людей и существует множество комиссий, докладов, решений, организаций, музеев, а также отдельных личностей, которые тем или иным способом стремятся сблизить людей, сдружить их, образумить.

Андрей Вавилыч работает в таком учреждении, которое среди перечисленных является не только наипервейшим, но, так сказать, сверкает молнией впереди них. Короче говоря, он занимает пост инструктора финансово-контрольного отдела Наркомата Уловления и Выпрямления Экономических Ошибок.

На крупном лице его и на розовой, сильной, — несмотря на лишения, — широкой шее вы всегда разглядите целеустремлённость и начитанность. Он всегда в чёрном платье, исходя из того, что личность, следящая за порядком в экономических планах человечества, должна испускать черноту и серьёзность мыслей.

Разумеется, эти серьёзные мысли несравнимы с серьёзными мыслями Григория Максимыча, непосредственного начальника над Андреем Вавилычем, но всё же... Видите ли, в пишущей машинке существуют клавиши. Каждый из них отбивает одну букву. И сколько вы ни лупите одним клавишем, вы не отобьёте постановления. Но вот заиграли все клавиши. Какие серьёзные слова! Какие решительные меры! Какие строгие приказания! Поясняю. Григорий Максимыч был и есть один из тех превосходно вычищенных клавишей канцелярской машины, в которые где-то, на недосягаемой вышине, постукивал кто-то невидимый.

Позвольте, говорите вы? Нет уж, вы мне позвольте договорить. Да, Григорий Максимыч — клавиш. Да, Андрей Вавилыч подчиняется ему. И мало того, подчиняется, он подражает ему во всём, даже в бритье через день, несмотря на то, что волосища у Андрея Вавилыча ползут, как весенняя трава. И всё же во всём этом нет ни капли противоречия! Нет и не будет! Поймите и запомните, что Григорий Максимыч — клавиш государственной машины, а наш Андрей Вавилыч — клавиш машины учрежденческой. Разница? Ну то-то.

Однажды, в конце 1942 года, в мутно-холодное утро, Григорий Максимыч приказал явиться к нему лучшему инструктору Отдела. Начальник спросил:

— Где данные нашей комиссии о показателях кинематографических организаций в их выполнении плана? О чём вы думаете? Проверить работу комиссии и доложить мне завтра в ноль-ноль десять.

Андрей Вавилыч мгновенно пролетел Москву, ворвался в киноканцелярию. Начальник был прав! Комиссия Наркомата вместо работы просматривала какие-то там недоконченные фильмы. Андрей Вавилыч составил акт и принудил комиссию исполнять её обязанности, а, кроме того, сам встал рядом. Ясно, что сразу обнаружили недочёты, недохваты, перерасходы. Прибежал сам председатель и с бледным носом стал глядеть на энергичные действия Андрея Вавилыча.

— Запутанность в счётном деле не есть ещё запутанность в искусстве, — попробовал он оправдаться.

Андрей Вавилыч сказал:

— Искусство без хорошо налаженной отчётности — нуль.

В обеденный перерыв мы прохаживались по длинному коридору. Множество дверей выходило в него. На каждой двери висела табличка с названием будущего фильма, вроде «Вперёд, за Суворовым!» или «Девушка у винтовки». Мы уже знали истинное название этих фильмов. Бесхозяйственность, — вот им имя!

Андрей Вавилыч остановился перед табличкой «Александр Македонский». За дверью слышались яростные голоса.

— Александр Македонский?.. — вспоминал Андрей Вавилыч. — Кто это? Кажется, он какие-то там стулья ломал...

Вот здесь-то Андрей Вавилыч и показал всё наличие своего духа. Он распахнул дверь и вошёл в комнату группы «Александр Македонский». Я понял его. Андрей Вавилыч хотел дать бой председателю, показав, что раз в отчётности плохо, то плохо и в искусстве.

Мы знаем, что в культурных организациях редко говорят по существу, но на этом заседании, посвящённом производственному вопросу, — ах!.. Попробовали б вы узнать, на сколько процентов заснята картина, но зато вы сразу узнали б, кто такой Александр Македонский и чего ради его снимают.

Прежде всего выяснилось, что это грек и полководец и что этот чёртов Александр Македонский, грабя мирное население и сжигая города, прошёл вместе со своим, не столь уж многочисленным войском пешком и частично как всадник из ныне оккупированной Греции, через Турцию, Иран, в Туркменскую ССР, задел часть Таджикской ССР, а затем уже вторгся в пределы Узбекской ССР. Здесь его встретили скифы, и дальше он не имел возможности продвигаться, а то бы, через Китай, добрался и до японцев и показал бы им, где греки зимуют...

Длинноногий консультант с лицом столь заросшим, что оно казалось покрытым дерном, лихо орал:

— Утверждаю: сокровища Александра Македонского существуют! Вы спрашиваете: откуда я взял это утверждение? Сообщаю. Демократическая партия в Афинах, антимакедонская партия, вместе со своим вождём Демосфеном...

Тут из-за его спины всплыла белокурая высокая красавица и губительным злобным голосом спросила:

— Так почему же вы, дорогой сценарист, заставили меня говорить какую-то дурацкую речь перед скифскими воинами?

Над красавицей поднялся второй сценарист и голосом ещё более злорадным, чем мощный голос красавицы, провозгласил:

— Да потому, что русское искусство — искусство психологиче-

ское и в его рамки не вкладывается авантюрный роман!

Откуда-то из тьмы колдовски крутящегося табачного дыма слышался пискливый вопрос:

— А как же Фёдор Михалыч Достоевский?

Тут очевидно длинноногий консультант и сценарист решил полностью уничтожить своих противников, наполнить их утробы горечью их же бессмыслия! Он оттолкнул красавицу, опрокинул на неё второго сценариста и, — упав на стол, перед самым лицом председателя собрания, — закричал:

— Достоевский — авантюрный писатель? Только негодяй способен утверждать это! И утверждать при господстве в искусстве достоевщины и, в частности, у нас в кинокомитете... (Невероятный шум. Голоса: «Вздор! Подлец! Замолчите! Дайте слушать!»). И — пропадает пропадом ценный материал! Все сказки среднеазиатских народов наполнены сокровищами Искандера Двурогого! А прочтите «Шахнаме»! А расшифруйте «Александрию»... Спуститесь вместе с нею в подземное царство... (Шум ещё более. Вопли: «Спускайся сам! Скотина! Дайте слово! Долой!»...)

Само собой разумеется, что Андрей Вавилыч не мог дальше терпеть это безобразие. Он поднялся и как представитель Наркомата УВЭО попросил дать ему возможность высказаться. Заседание немедленно утихло, и Андрей Вавилыч сказал:

— Насколько мы понимаем, тема «Сокровища Александра Македонского» не входит в тему фильма «Александр Македонский»?

— Попробовали б вы её всунуть туда! — воскликнул длинноногий консультант и сценарист.

— А между тем, вот уже битых три часа я слушаю ваши споры о наличии сокровищ. Граждане! Если вы ставите фильм о сокровищах недр во времена прошлых греков, — это одно. Но если вы ставите на тему свободолюбивых скифов, восставших против греческого безрассудства, — это другое. Нельзя расходовать время и деньги на праздные разговоры. То и другое — народное, граждане.

— Мы — праздные разговоры? — воскликнул длинноногий. — В искусстве не бывает праздных разговоров! Если сокровища не войдут в фильм, то они войдут в жизнь! Таков закон искусства. Так вошли в жизнь сокровища Тутанхамона, микенский клад, скифские древности...

На лице Андрея Вавилыча появилась скорбь. Она появлялась всегда как признак того, что его противник с минуты на минуту неизбежно исчезнет в пропасти, вызванной им самим же! Андрей Вавилыч сказал:

— Утверждения, вами высказанные, доказывают лишний раз, что сокровищ Александра Македонского — нет. И быть не может.

— Категорически утверждаете?

— Категорически. И нельзя не утверждать, поскольку всякое кладоискательство есть факт капитализма, факт бессистемного, беспланового товарного хозяйства. А у нас хозяйство социалистическое, по плану, мне хорошо известному. И в плане, — торжественно заключил Андрей Вавилыч, — сокровищ Александра Македонского не значится, а поскольку они не значатся, поскольку они не запланированы, их нет, и появление их невозможно!

Как я и предчувствовал — пропасть разверзлась! Все заседавшие замерли, выпучив глаза, а наш Андрей Вавилыч сказал:

— Кто директор группы? — Он взглянул на испуганного человека с седыми волосами и глазами задавленной собаки и добавил: — Вы? Потрудитесь показать мне отчётность группы «Александр Македонский» и, в частности, графу, по которой значатся трехчасовые прения о сокровищах данного полководца...

Когда на другой день, ровно в ноль-ноль десять, Андрей Вавилыч пришёл с уничтожающими данными относительно работы киноорганизаций в кабинет начальника, там, небрежно протирая очки, сидел неизвестный. На нём был просторный френч отличного стального цвета и сапоги с короткими голенищами, — дальнейшее Андрей Вавилыч не стал рассматривать, потому что неизвестный был явно личность малозначительная и малоответственная, наверное, из отдалённых родственников Григория Максимыча...

Только, конечно, родственными отношениями объяснишь то, что Григорий Максимыч эти уничтожающие данные подал неизвестному во френче, добавив, что Андрей Вавилыч едва ли не лучший счётно-контрольный работник Наркомата и что, мол, он лично руководил работами командированной в кино комиссии...

Человек в стальном френче, мельком взглянув в данные, спросил — когда же появятся интересные фильмы? Вопрос был обращен к Андрею Вавилычу, но тот, впери́в взор в сторону начальника, безмолвствовал. Тогда вопрос человека во френче повторил сам Григорий Максимыч, на что Андрей Вавилыч ответил, указывая на данные:

— Здесь имеются выводы. Фильмы скоро не появятся, поскольку в киноорганизациях занимаются совершенно посторонним делом.

— Каким же посторонним делом? — спросил неизвестный.

И опять Андрей Вавилыч безмолвствовал.

И опять Григорий Максимыч вынужден был повторить вопрос